

... Вбежал Пушкин в большую поэзию и произвел переполох. С этой фразой забытого Абрама Терца, пожалуй, лучше не спорить, а принять, как есть. Если бы в российских средних учебных заведениях седовласые педагоги начинали вводные лекции о творчестве самого нашего гениального гения с этой фразы, школьники, до собственных седых волос, хранили бы о нем нежнейшие воспоминания. С возрастом прочитали бы Лотмана и все-все про Пушкина поняли.

Но есть и другие, те, кто, догадавшись обо всем самостоятельно, не читая, видимо, Лотманов и Терцев, начертали на стяге «формулу Пушкина» и, неистово стягом размахивая, побежали производить переполох на театре. Вот и Агентство «Богис» позволило себе небольшой эскерсис по поводу классика, выпустив постановку с задумчивым названием «Евгений Онегин... Пушкин». По окончании просмотра спектакль и впрямь вводит в состояние некоторой задумчивости — может все же нелишнее иногда перелистать Лотмана с Терцем? И Хармса в придачу.

Итак, в роли режиссера — Михаил Крылов. Он же в роли Онегина, Ленского, кажется, няни, далее — по тексту. В роли Татьяны и прочих — Галина Кашковская. Александр Кочубей в роли Хандры. Художник по свету (Андрей Тарасов) в роли сценариста. Туалетная бумага в роли снегопада. Железная койка на веревочках в роли движущего элемента действия. Минимализм и абстрак-

ция, отрешающие зрителя от созерцания интерьера и концентрирующие взгляд на актере, на персонаже, на тексте. Эксцентрика и гротеск, неумолимо стягивающие историю к драматическому финалу. Наверное, замысел был именно таков. Другое дело — результат.

Трудно говорить о спектак-

костью, вкусом и ясным пониманием своей, режиссерской задачи. Второе — для тех, кто вышперечисленным в полной мере не обладает, а так же не знает меры своему диктату. Но Пушкин-то гений, его сложно переспорить. На примере этой версии «Онегина» оказалось, что для простого «читания»

Монро, а Онегин — на Элвиса Пресли; и кто такой эта Хандра; и о чем это все? А главное, зачем и для кого? Зрители хотят смотреть спектакль про себя или, на худой конец, про Онегина с Татьяной, но уж никак не про Михаила Крылова. Здесь, вероятно, следует подробнее описать сам спектакль, но вся бута-

вог в перетягивание каната, а в итоге — полный провал. Он придавлен железной решеткой койки, она другому отдана и будет век ему верна. Это опять-таки возможный замысел. Но нам показали совсем другое, не сказать, чтобы очень ясное и выразительное. Да и где искать этой самой выразительности, ес-

ностей) — его особенно жалко, он как бы и вовсе ни при чем, так как вычислить и оправдать функцию его, в общем-то, очаровательного персонажа внутри спектакля невероятно трудно. Несколько смешных шуток, пара театрально-зрелищных трюков (например, с натяжкой, сон Татьяны — с метелью из туалетной бумаги), да пара удачных номеров — еще не спектакль, еще не театр. Не очень-то вдумчивое зачитывание вслух глав из поэмы «Евгений Онегин» — еще не Пушкин. Можно было сделать и смешнее, и умнее, и, на худой конец, оригинальнее. Можно было довериться невесомому слогу поэмы и отыскать в нем повод для таких хулиганских выходов, в которых только сам Пушкин, наверное, знал толк. Для такой изысканной театральности, чтоб дух захватывало. И финал тогда будет непременно трагичен — как заказывали. Ведь, следуя Терцу, Пушкин — это Моцарт. А Крылов — увы, еще нет.

Недавно один драматург не на шутку возмущался — что за дурацкие фамилии у наших великих писателей! И действительно: Грибоедов, Го-голь, Толстой. Да и Пушкин — смешная фамилия. Вот что если б звали его, например, Ложкиным — люди так и умилялись бы: «Ай да Ложкин, ай да сукин сын!» А он Пушкин. Пушкин и есть, это тоже нужно принять как факт.

На тоненьких эротических ножках

Дарья КОРОБОВА

Пушкина вслух тоже нужен талант, своего рода конгениальность поэту. Увы, Михаилу Крылову это, видимо, не под силу. Придуманный им образ ковбоя в кожаных штанах, темпераментно комикающего и бессчетное количество раз ударяющего себя кулаками в голую грудь, как-то не соотносился с невесомым слогом поэмы. Каждое слово — как многозначительная чугунная гиря; каждый жест — тоже, наверное, что-то означает. Что — об этом ведает только Михаил Крылов.

Собственно, следить за тем, что он хотел сказать своей постановкой, тоже становится неинтересным по мере просмотра. И почему такая странная композиция (полтора часа почти без купюр, а после дуэли — раз, раз, и галопом финал); и почему Татьяна похожа на Мерилин

Фордия уже перечислена, а на сцене не происходит более ничего замечательного, кроме неравной борьбы блистательного пушкинского текста с «мерой фантазии» автора постановки. Беда в том, что весовые категории подобраны слишком уж опрометчиво.

Ведь Пушкин — не только диктатор, но и провокатор. Чтобы ставить Пушкина сегодня, нужно как минимум иметь моральное право «мудро и лукаво шутить, таинственно молчать и ногу ножкой называть». А также иметь веский повод шутить словами Александра Сергеевича. В спектакле же «Онегин»: шутки шутками, ноги ногами, того и другого в избытке. Можно прочесть эту постановку так: все мы шутим, придумываем про себя что-то, драматизируем (тем смешнее это смотрится со стороны), играем друг с дру-

гой в перетягивание каната, а в итоге — полный провал. Он придавлен железной решеткой койки, она другому отдана и будет век ему верна. Это опять-таки возможный замысел. Но нам показали совсем другое, не сказать, чтобы очень ясное и выразительное. Да и где искать этой самой выразительности, ес-

ностей) — его особенно жалко, он как бы и вовсе ни при чем, так как вычислить и оправдать функцию его, в общем-то, очаровательного персонажа внутри спектакля невероятно трудно. Несколько смешных шуток, пара театрально-зрелищных трюков (например, с натяжкой, сон Татьяны — с метелью из туалетной бумаги), да пара удачных номеров — еще не спектакль, еще не театр. Не очень-то вдумчивое зачитывание вслух глав из поэмы «Евгений Онегин» — еще не Пушкин. Можно было сделать и смешнее, и умнее, и, на худой конец, оригинальнее. Можно было довериться невесомому слогу поэмы и отыскать в нем повод для таких хулиганских выходов, в которых только сам Пушкин, наверное, знал толк. Для такой изысканной театральности, чтоб дух захватывало. И финал тогда будет непременно трагичен — как заказывали. Ведь, следуя Терцу, Пушкин — это Моцарт. А Крылов — увы, еще нет.

Недавно один драматург не на шутку возмущался — что за дурацкие фамилии у наших великих писателей! И действительно: Грибоедов, Го-голь, Толстой. Да и Пушкин — смешная фамилия. Вот что если б звали его, например, Ложкиным — люди так и умилялись бы: «Ай да Ложкин, ай да сукин сын!» А он Пушкин. Пушкин и есть, это тоже нужно принять как факт.